

тивность его поведения, на организацию его общественной и повседневной жизни.

Таким образом, жизненный мир – это мир человека, мир людей, мир в человеческом измерении, мир существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей человека, его восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и его готовности понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым государством и обществом преобразованиям.

Обобщая, можно утверждать: изучение жизненного мира людей включает в себя реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей; условия, в которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей. Это позволяет нам назвать данную концепцию социологией жизни, так как она оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут.

Все это дает возможность утверждать, что изучение жизненного мира (сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях) переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человека и человечества. В результате социология жизни позволяет в полной мере выполнять профессиональную, критическую, прикладную и публичную функции социологии как науки.

Примечания

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Ю.Г. Волков

ФАНТОМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ БУДУЩЕГО

Книга Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» [2] является как бы продолжением таких его работ, как «Парадоксальный человек» и «Кентавр-проблема». Во всех трех книгах в центре внимания

автора находится сложная и противоречивая реальность современной России. Сквозь все их содержание просвечивается отстраненный изучающий взгляд автора как неангажированного наблюдателя, старающегося не пользоваться готовыми концепциями и методологиями, но создавать свои собственные понятия и классификации.

Представляется, что именно благодаря этому индивидуальному понятийному языку и оказалось возможным своеобразие книг известного российского социолога и философа. Ж.Т. Тощенко создает уникальные концепты, не укладывающиеся в сухой унифицированный тезаурус современной социальной науки, зато впитавшие в себя глубину социально-психологического анализа и философичность. То, что автор намеренно не ограничивает себя рамками современной социологической терминологии, не означает, что его работы выходят за пределы научного контекста: эта особенность работ Ж.Т. Тощенко вполне оправдана. Термины-образы его книг, переходя из одной работы в другую, создают уникальный универсум на грани социальной сатиры и гротеска, с одной стороны, и реалистической критики – с другой.

При описании такого универсума уместно ключевое для третьей книги трилогии понятие «фантом». Как поясняет автор, «в настоящее время в реальной научной и политической лексике термин “фантом” стал все чаще использоваться для интерпретации процессов и явлений, выпадающих из обычного, принятого, признанного течения экономической, политической, социальной и культурной жизни. Употребление этого понятия в современной жизни вышло далеко за рамки того смысла, которым пользовались ранее» [3, с. 57].

Предваряя изложение своих идей вводным методологическим разделом, озаглавленным «Фантомы общественного сознания и поведения: к вопросу о сущности», автор книги дает в нем обоснование правомерности использования этого термина в его расширенном значении, когда речь идет о комплексе процессов и событий, далеко отходящих от варианта, считающегося нормой. Фантомность в интерпретации Ж. Т. Тощенко – емкая совокупная характеристика тех феноменов современной российской действительности, которые связаны с деформацией нормативной модели общественных отношений в их политическом, идеологическом, правовом, социальном срезе. В отличие от обширного ряда теоретиков и практиков социологического исследования, чьи взгляды и позиции претерпевали многократные превращения под влиянием как сиюминутной политической конъюнктуры, так и издержек мировоззренческого поиска советской и российской творческой интеллигенции, вскормившей собственные трагические за-

блуждения, автор рассматриваемой работы сохранил незыблемые нормативные представления о социальной справедливости, о роли интеллигенции в ее органичной связи с народом и государственностью. Поэтому, вероятно, его книги проникнуты глубокой осознанностью трагизма проходящих перед его глазами ученого и мыслителя деформаций социальных отношений и общественного сознания.

Мне представляется, что в его новой книге фантомность как центральный смыслообразующий образ-концепт акцентирует известную неправдоподобность и искусственность происходящего. Фантом – это нечто паранормальное с точки зрения нормативного общественного развития. Это нечто объективное, но спрятанное до поры до времени в недрах спокойного и обыденного порядка существования. «Фантомные явления, – пишет Ж.Т. Тощенко, – которые в латентном виде существовали всегда, в любую эпоху и в любом государстве, в период ломки устоев государственной и общественной жизни имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, оказывающее весьма ощутимое влияние на происходящие в обществе процессы» [3, с. 54].

Всегда, читая книгу, бывает интересно остановиться и осмыслить собственную логику автора. Действительно, зачем нужно было вводить этот термин, уводящий в сторону от традиционного нейтрализма исследователя и несущий нелегкую эмоциональную нагрузку? Возможно, для того, чтобы помочь читателю освободиться от рутинности мышления. Привыкнув к окружающему нас «жизненному миру», многие из нас утратили способность его «остранять». Этот семиотический и литературоведческий термин обозначает превращение рутины в «нерутину», дистанцирование от привычного образа реальности, дающее возможность «прочсть» ее как фарс или драму, трагедию или антиутопию, но в зеркале философского обобщения. Ж.Т. Тощенко и рисует нам именно фантомный мир, отпугивающий неопределенностью перспектив и ожиданий: «Показатели состояния и тенденций общественного развития общественного сознания и поведения демонстрируют причудливое сочетание оценок-комбинаций: размытость, неопределенность, фрагментарность и переменчивость ценностных ориентаций, установок, социального настроения, общественных и личных интересов» [3, с. 14].

Фантомность этого мира проявляется и в том, что ему присуща определенная двойственность. Об этом говорят «разрывы между широкообещательными обещаниями политических сил и тем, что представляет собой реальная жизнь миллионов людей» [3, с. 16]. Вирту-

альный фасад российской социальной действительности, фантом стабильности и благополучия, не становится и не может стать прочной и надежной основой общественного развития: он лишь витает в информационном пространстве, способствуя формированию разорванного, «несчастливого», выражаясь гегелевским языком, общественного сознания, носителями которого являются и те, кто так и не смог успешно адаптироваться к жизни в новых условиях, и те удовлетворенные переменами слои и группы, которым удалось вписаться в нее.

Такая раздвоенность характеризуется автором книги как одно из проявлений антиномичности современного общественного сознания. В нем в одно и то же время отражаются ощущения и первых, и вторых. Вероятно, поэтому в общественном сознании сосуществуют две истины: «...в реальной жизни России сложилась такая ситуация, когда... существование двух истин вполне оправданно и закономерно» [3, с. 38]. Но такая ситуация патологична и чревата социальными катаклизмами, пусть она даже сохраняется в обществе без зримого гражданского конфликта сколь угодно долго.

«Несчастье» в этой связи российского общественного сознания заключается в том, что оно несет на себе незаживший след травмы. Речь идет в первую очередь о культурной травме, нанесенной общественному сознанию интенсивными и неоднозначно оцененными населением реформами 90-х гг. Автор книги, опираясь на идеи целого ряда известных современных мыслителей, и в первую очередь на теорию культурной травмы П. Штомпки, обосновывает формирование в период перестройки и постперестроечные годы специфических травматических характеристик общественного сознания, например, таких как его дезориентация и дезорганизация, нарастающий пессимизм, повышенная критичность [3, с. 19, 21, 25].

Другая характерная черта, на которой стоит остановиться, – органично присущее автору всех трех книг стремление к типологизации событий недавней истории и их действующих лиц. Типологизация как метод изучения реальности – традиционная принадлежность феноменологического подхода, своеобразная разновидность которого, как представляется, и стала общей методологической парадигмой трилогии. Не давать сущностных определений, а описывать все, что подмечает взгляд, создавая на основе обобщения частных новых типологии с «говорящими» названиями рубрик, – вполне приемлемый способ показать реальность такой, какова она есть, с сущностью, не названной, но откровенно «просвечивающей» через феномены.

Если в «Парадоксальном человеке» непосредственным предметом дескриптивного исследования были внутренние противоречия постперестроечного общественного сознания, а результатом его стал очерченный автором социально-антропологический тип, раскрывающий своим названием и характеристиками имплицитную общую суть происходящего в российском обществе 1990-х, то в «Кентавр-проблеме» объектом типологизации становятся специфические социальные, политические и культурные проблемы, общим у которых является их свойство абсурдным образом соединять в себе органически несоединимые компоненты.

В новой книге о фантомах Ж.Т. Тощенко представил разработанную им типологию публичных политиков и общественных деятелей постсоветской эпохи, включающие подробный анализ их психологии и поведения, деталей их биографий и личностных мотиваций «вхождения в политическую элиту». Созданные автором портреты хорошо известных читателям лиц безжалостно-подробны и нелюбезны, а подведение их под те или иные типы фантомных ликов позволяет читателю заострить внимание на характерных тенденциях деятельности этих лиц. Ощущение общей безотрадности акцентируется хлесткими названиями выведенных типов. Можно было бы назвать это изображение гротескным. При этом гротескные образы, которые сам автор называет фантомами, превращаются в отдельные от реальных прототипов символы общей атмосферы постперестроечных лет. Эта атмосфера породила, например, «мутантов» – общественных деятелей и публицистов, громогласно и настойчиво систематически отрекавшихся от собственных взглядов, выступлений и убеждений прошлого. Или «нарциссов» – политиков и администраторов, упоенных властью и озабоченных главным образом ее сохранением. К «беспредельной власти над людьми» тяготеют и «бесы», изощренные манипуляторы общественным сознанием и популисты, разработчики хитроумных комбинаций и беспринципные игроки на политической арене. Лишенные исторической памяти и не помнящие родства «манкурты», образ из знаменитого романа Ч. Айтматова, перелицовывают отечественную историю, игнорируют уроки прошлого. «Эффективные менеджеры» дерзко и изобретательно расхищают общенародное достояние, в ходе реализации своих управленческих проектов перекачивая его в свой бездонный карман. Отвлекая публику, самозабвенно играют свои экстравагантные роли «политические шуты».

Помимо фантомных ликов, призрачную атмосферу российского общества дополняют «фантомные процессы». Объективная ирреаль-

ность происходящего проявляется, например, в социальной имитации, которая стала в последние годы темой многих социологических и философских исследований, прицельно анализирующих различные отдельные стороны этого процесса [1]. Ж.Т. Тощенко рассматривает имитацию как одно из типичных фантомных явлений современной России, выделяя и описывая ее причины, механизмы и разновидности. По его мнению, «исходной базой имитации является отсутствие четко очерченной стратегической цели в развитии общества и его сфер, социальных институтов, организаций и процессов». В отсутствие реальной стратегии социального развития у элит возникает потребность заполнить пустоту видимостью направленного движения к заявленной цели. Это связано и с несостоятельностью самой правящей элиты как группы, ответственной перед страной и народом за выработку действительно эффективной социальной стратегии и мер по ее реализации. «Имитация, – пишет автор, – становится возможной тогда, когда нет лидеров, нет таких руководителей и политических сил, которые бы взяли на себя историческую (а не только личную) ответственность за проводимый политический курс» [3, с. 16]. В отсутствие по-настоящему масштабных политических акторов, идеологов и организаторов управления нет и подлинного действия, по-настоящему, пусть и постепенно, меняющего облик социума. В таких случаях, как отмечает Ж.Т. Тощенко, единственной настоящей целью правящей элиты остаются сохранение и укрепление собственной власти, оно же в конечном счете – и единственный желаемый результат деятельности. Имитирующая постановку и решение стратегических задач элита с необходимостью закрывается, отгораживается от народа: «Имитация процветает в условиях, когда нет устойчивой обратной связи с народом, когда не считаются с его мнением, не советуются с ним, а предлагают ему руководствоваться решениями функционеров, которые стоят у власти» [3, с. 17]. При таких условиях имитация становится тем единственным языком, которым элита пытается говорить с народом, создавая у него – с большим или меньшим успехом – впечатление соответствия взятой ею на себя роли. Превращаясь в распространенный социальный феномен, имитационная деятельность элит выступает как базовый и опасный фантом, источник таких проявлений «ненастоящести» настоящего, как профанация и демагогия, манипулирование и иллюзия.

В политической сфере, по мнению автора, превалирует демагогия. Ничем не аргументированные и безответственные утверждения политиков, как провластных, так и оппозиционных, лесть и популизм,

заигрывание с доверчивым и неискушенным избирателем, постоянная апелляция к джентльменскому набору ценностей, «общечеловеческих» ли, «традиционных» или любых иных, вне зависимости от выбранного названия в данной ситуации имеющих чисто декларативный характер, граничат с манипулированием массовым сознанием.

Как справедливо утверждает автор книги, «манипулирование связано с реализацией попыток отвлечь население от насущных проблем и задач» [3, с. 330] и переадресовать его внимание на малозначащие вещи, значение которых искусственно раздувается. Например, к манипулятивным феноменам Ж.Т. Тощенко относит пропагандистские усилия СМИ по продвижению образа жизни и модели поведения социально успешных людей нового образца. Превращая в мерило социальной успешности богатство, праздность, демонстративное потребление, отсутствие гражданского достоинства и социальных обязательств, телевидение и СМИ заражают население, особенно молодежь, искаженными представлениями о престиже и достижительности, тем самым примиряя общественное сознание с образом жизни и потребления элит, и одновременно исключает из сферы внимания общества образ жизни миллионов тружеников, «которые создают богатство страны, являются ее стеновым хребтом, несут и сохраняют национальную культуру, берегут традиции, служат в армии и выполняют все те функции, которые и создают то, что называется нацией» [3, с. 332]. Тем самым, по утверждению автора, технология манипулирования проявила себя в процессе перекодирования культурной ментальности на деструктивные для общества модели поведения и ценности.

Еще один компонент имитации составляет профанация, под которой автор понимает не только упрощение и принижение сакрального и возвышенного, но и «непочтительное отношение к достойному, что нередко выражается в опошлении идеи, события или процесса» [3, с. 327]. Среди проявлений этого вида профанации на первом месте упоминается массивная критика стереотипов, атрибутики и ассоциаций, связанных с понятием «советский человек». Как подчеркивает Ж.Т. Тощенко, опошляющая критика концепта советского человека как ключевой идеологической ценности прошлого работала на разрушение коллективной ментальности и специфического для россиян высокого гражданского чувства, на подрыв ощущения единства с историческим прошлым и его неоспоримо высокими достижениями. Именно по этой причине автор применяет к этому явлению термин «профанация». Но если взглянуть под чуть иным углом, к этому явлению можно отнести и традиционный для работ Ж.Т. Тощенко термин

«манкуртизм»: «Манкуртизм нередко предстает в облике примитивизации, поддерживаемой официальной пропагандой и проповедуемой как официальными лицами, так и сторонниками борьбы с тоталитаризмом. Яркое это проявляется при переоценке как советских (российских) исторических ценностей, так и ценностей, разделяемых всем цивилизованным миром» [3, с. 425]. Беспамятные манкурты легко расстаются с идеями и ценностями, завоеванными большой кровью, с бесценными историческими уроками.

Оставшись без высоких образцов и духовных идеалов, постперестроечное российское общество, по мнению автора, лишилось вместе с ними и своей интеллигенции. Характеризуя специфические черты интеллигенции, Ж.Т. Тощенко вслед за многими другими исследователями, посвятившими свои усилия изучению тематики исторической судьбы российской интеллигенции, приходит к выводу, что важнейшим компонентом образа интеллигента является не высокая образованность в профессиональной сфере или сумма качеств, обозначаемая модным современным словом «креативность», а, напротив, сумма духовных и нравственных характеристик, ориентирующих человека на служение высшему. Но если говорить о «новой генерации интеллигенции» в России, то, по словам автора книги, «в ее установках преобладают индивидуалистические, меркантильные цели, в основном связанные с личным благосостоянием» [3, с. 464]. Современный российский креативный класс трудно сопоставить с интеллигенцией в уходящем в прошлое традиционном смысле этого понятия.

О масштабности работы «Фантомы российского общества» свидетельствует не только тот факт, что в ней затронуты многие наиболее фундаментальные проблемы постперестроечной России, но и то впечатление, которое книга оставляет по прочтении. По сути своей, это впечатление от снова прошедшей перед глазами эпохи, которая, впрочем, еще не завершилась. Эпоха-фантом, эпоха, населенная призраками несбывшихся ожиданий и надежд, диковинными социальными типами, погруженная в процессы, придающие ей еще большую ирреальность, она тем не менее и есть наша сегодняшняя реальность, обострившая до предела те явные и скрытые проблемы, которые вчера еще казались относительно безобидными. Ведь конструкции исторического прошлого все еще обитаемы. И задачей исследователей, работающих в сфере социально-гуманитарных наук, остается формирование адекватного и действенного знания о нем.

Значительный по объему и весьма широкий по охвату труд Ж.Т. Тощенко отнюдь не исчерпывается в своем содержании этим ла-

коничным обзором. Представленные в нем оценки, при всей их негативности, дискуссионны и неоднозначны. Перед заинтересованным и мыслящим читателем – перспектива погружения в реалии этой книги, а погружение это, возможно, потребует мужества и непредвзятого взгляда.

Примечания

1. *Волков Ю.Г.* Креативность: творчество против имитации. М., 2013.

2. *Волков Ю.Г.* Фантомное настоящее в зеркале будущего (о книге: Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015) // Социологические исследования. 2015. № 5.

3. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.

Г.П. Зинченко

«ФАНТОМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА» КАК ЖАНР ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Монография Ж.Т. Тощенко написана в жанре публичной социологии (не путать с публицистикой). Речь идет о публичной позиции автора, активно взаимодействующего с обществом. Его публикации вызывают общественный резонанс. Именно такой активной, критической социологии нам сегодня не хватает.

Книга Ж.Т. Тощенко представляет собой модель понимания травмированного постсоветского российского общества, которое чуть ли ни четверть века назад застряло в маргинальной позиции, без консенсусного ориентира своего дальнейшего развития. Данная монография, как и всякое хорошее произведение, результирующее многолетние наблюдения, – повод поразмыслить над сложившимся положением дел. Автор, оперируя фактами, предлагает читателю самому сделать вывод из данных фактов. Он следует хорошему тону научной непредвзятости и выдержанного концептуального стиля изложения.

Общественные науки достаточно богаты на различные онтологические и терминологические фантомы, но обоснование фантома как элемента социальной активности ранее не имело места и лишь в данной монографии нашло свое научное воплощение. Мой научный интерес вызывают в первую очередь фантомы административно-политической сферы [1]. И здесь автор начинает с констатации несо-